

ФЕНОМЕН ДУХОВНОГО СТРАННИЧЕСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Е. В. Фаленкова

Поступила в редакцию 16 сентября 2011 г.

Аннотация: в статье рассматривается феномен странничества как архетип русской словесной культуры. Дан анализ понятия странничества и эволюция этого феномена в культурном контексте XIX – начала XX в. Особо рассматривается отражение этого феномена в творчестве Л. Н. Толстого. При этом раскрывается эволюция трактовки странничества в изложении Толстого от раннего периода творчества к позднему.
Ключевые слова: странничество, душа, духовность, религиозность, творчество, контекст, уход, богоискательство, богостроительство.

Abstract: the article discusses the phenomenon of wandering as an archetype of the Russian verbal culture. The analysis of the concept of wandering and the evolution of this phenomenon in the cultural context of the XIX – early XX centuries is given. Specifically addresses this phenomenon is reflected in the works of L. N. Tolstoy. In this case reveals the evolution of wandering in the treatment of Tolstoy's presentation of the early period of creativity to a later date.

Key words: wandering, soul, spirituality, creativity, context, escape, God-seeking, God-building.

Проблема духовного странничества в творчестве позднего Л. Н. Толстого исследована недостаточно. В связи с тем, что долгое время духовно-нравственная, религиозная сторона произведений Толстого практически не изучалась, как и не учитывался опыт духовной и церковной жизни писателя, а знания о канонической жизни Русской православной церкви практически отсутствовали, возникает необходимость нового осмысления философского и художественного творчества Л. Н. Толстого.

Постановка вопроса о духовном странничестве в свете сказанного является достаточно актуальной и новой. Современные исследователи рассматривают феномен праведничества и странничества в творчестве Толстого в большей степени с гуманистических, моральных и этических характеристик праведника или странника. В нашей работе феномен странничества исследуется в культурно-философском аспекте, выявляется особенность трактовки странничества у Толстого и этот феномен раскрывается через тему духовных исканий (через которые и проявляются моральные аспекты), и здесь понятия душа, духовность и религиозность выступают в качестве основных.

Тема духовного странничества представляется значительно шире, анализ ведется в русле сложившихся в русской культуре представлений о странничестве, которые исходят из религиозности русского народа, тем

не менее в творчестве Толстого духовность и религиозность понятия не идентичные.

О странничестве как явлении русской жизни можно говорить как о древнейшем архетипе русской словесной культуры. Русская культура обладает особо значимым и специфическим «опытом движения» (начиная с «Хожения игумена Даниила» и «Хожения за три моря»), что дает основание говорить о России как о стране странничества и искания Божьей правды. Этот опыт нашел свое выражение в национальной философской и литературной традициях, что проявилось в творчестве всех крупных русских художников слова.

В православной традиции, закрепленной исторически, находились такие явления, как скитальчество, подвижничество, странничество. Древнерусское сознание перенимает опыт первых христианских странников, подражающих Христу, который не имел места «где преклонить голову» [Мф., 8:20] и учил не собирать себе сокровищ на земле, «где моль и ржа истребляют и где воды подкапывают и крадут», но полностью предаться воле Божьей, «искать прежде Царства Божия и правды Его», а все остальное приложится [Мф., 19:34].

Именно христианство сформировало установку видеть в каждом нищем и утомленном долгим путем госте Христа, откуда и идет представление народного сознания о страннике, за которым стоит сам Христос или ангелы. Кстати, именно такое представление использовал Л. Н. Толстой в рассказе «Чем люди живы». Укоренена в России и традиция странноприимства как в отношении к конкретному путнику, так и на государственном уровне – в строительстве «странноприимных домов» или гостиниц, строившихся в XIX в. особо массово.

Обратимся к трактовке значения слова «странник». Христианский богослов и византийский философ V в. преподобный Иоанн Лествичник в своем труде «Лествица», ставшем для христиан «Духовными Скрижалями» и руководством к нравственному совершенствованию, писал: «Странничество есть отлучение от всего, с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом. Странник есть тот, кто избегает всякой привязанности, как к родным, так и к чужим. Странничествуя, остерегайся праздноскитающегося и сластолюбивого беса; ибо странничество дает уму повод искушать нас. Устранившись мира, не прикасайся к нему более: ибо страсти удобно опять возвращаются» [1, с. 85].

Таким образом, автор характеризует странника как человека рассудительного, не мечтательного, а трезво оценивающего свои духовные и физические силы, как подвижника и праведника, уклоняющегося от мирской жизни в поисках Божественной Истины, и остерегает от праздного скитания.

Странничество необходимо развести с такими явлениями, как бродяжничество и тунеядство. Обратимся к значению слов: тунеядец и праздный человек в исследуемых словарях В. И. Даля, С. И. Ожегова, Т. Ю. Уши имеют общее определение – «живущий на чужой счет, чужим трудом, бездельник, паразит, дармоед» [2, с. 468]. «Бродяжничать – скитаться без цели, вести бродячий образ жизни» [3, с. 534].

В странничестве важно духовное устремление человека, поэтому данное явление можно рассматривать как духовный подвиг, заключающийся в нищете, свободе от предметов (говоря словами одного странника, «всего человека обнажал, дабы не думал о богатстве своем» [4, с. 232]). Его богатство – посох, мешок, Евангелие или Библия. Странники за счет других не живут, им не позволительно просить милостыню: «Берегись, странник, лишней копейки! Она обожжет тебя в день судилища» [4, с. 238]. Помимо этого путь странника освящался непрерывным повторением Иисусовой молитвы [5], полным смирением и кротостью.

Таким образом, странничество есть образ жизни, предполагающий нищету. Следуя наставлениям, которые дает апостолам Христос: «обуваться в простую обувь и не носить двух одежд» (Мрк. 6, 9) – странник закрепляет их в своей душе, тем самым приравнивается к ученикам Христа. Подвиг странничества тяжел и мало кому посилен (о чем предупреждал преподобный Иоанн Лествичник). Нищета не самоцель, а средство смирения, так как «ничто так не смиряет, как пребывание в нищете и пропитание подаванием» [1, с. 87].

Характерными особенностями первых странников являются: уклонение от мирской жизни, следование примеру Христа и его учеников, праведность, православное вероисповедание, рассудительность, духовность, подвижничество, осознание своей греховности, нестяжательство, инаковость, смирение, нищета, кротость, непрерывное молитвенное правило, чтение Библии или Евангелия, милосердие, помощь страждущим, покаяние, стирание земных границ, их незначимость.

С течением времени, в связи с историческими переменами, явление странничества выходит за пределы изначально господствовавшего представления о странниках, скитальцах, подвижничестве в русле православной традиции. Оно обретает дискурсивный характер и нередко выпадает из церковно-государственной нормативности (секты «бегунов», «скрытников», последователи Григория Сковороды, «Странник» Вальтмана). В литературе прообраз странника возник еще в конце XVI в. на фоне захлестнувшего Россию бродяжничества, которое имеет свои исторические причины. Русский тип скитальца после царствования Петра I пустил корни не только в жизни крестьян (голяки-бродяги, отщепенцы-изгнанники, юродивые-босяки), но и в жизни дворянской и разночинской интеллигенции (странники-богомольцы, богоискатели, паломники).

В конце XIX – начале XX столетия постановка вопроса о духовном странничестве встречается в трудах таких религиозных мыслителей, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, В. В. Розанов, С. Н. Трубецкой, Л. И. Шестов, В. Ф. Эрн.

В «Русской идее» Н. А. Бердяева феномен странничества характеризуется как специфическое, свойственное исключительно русской душе явление: «Эсхатологическая устремленность принадлежит к структуре русской души. Странник ходит по необъятной русской земле, никогда не оседает и ни к чему не прикрепляется. Странник ищет правды, ищет Царства Божьего, он устремлен вдаль» [6, с. 232]. Далее философ делает

акцент на том, что по духу многие творческие люди были странниками (Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев).

В середине XIX столетия в свет выходит книга «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», являющая собой некий «путеводитель» для странников-Богоискателей. Здесь сохранены все каноны древнерусского представления о странничестве. В роли автора выступает сам странник, все имущество которого состоит из сумки сухарей, Святой Библии и «Добролюбия», при всей видимой скудности материальных благ он обладает величайшим внутренним богатством. Странник, путешествовавший по Руси, описывает бескрайний Божий мир. Встречаясь с разными людьми, он постигает тайны духовной жизни, духовного подвига, самосовершенствования.

Несмотря на усиленные поиски духовности и религиозности, большинством представителей интеллигенции того времени религия сводилась к светскому, культурному восприятию, направленному более на самого человека (тема «маленького человека», «лишних людей»), его нравственность, праведность (жить по правде), а не внутреннюю духовность. Об этом писали видный политический и государственный деятель того времени, богослов и публицист архиепископ Никон Рождественский, философ К. Н. Леонтьев, это признавал Н. С. Лесков (в творчестве которого представлена значительная галерея странников и праведников). В своем дневнике Ф. М. Достоевский охарактеризовал Лескова как специалиста и эксперта православной культуры. Зная историю русской церкви и все ее обряды, Лесков, в противоположность Достоевскому, ненавидел «церковную пошлость» [7, с. 366] и говорил о том, что почитает христианство как учение и знает, что в нем спасение жизни, — «а все остальное мне не нужно».

Н. А. Бердяев в труде «Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX–XX столетий» писал, что в русской культуре XIX в. религиозная тема имела определяющее значение, но несли эти знания отнюдь не богословы, а философы: «По православному богословствовать начал не профессор богословия, не иерарх Церкви, а конногвардейский офицер в отставке и помещик Хомяков. Потом самые замечательные религиозно-философские мысли были у нас высказаны не специальными богословами, а писателями, людьми вольными. В России образовалась религиозно-философская вольница, которая в официальных церковных кругах оставалась на подозрении. Вл. Соловьев был философ, а не богослов» [6, с. 238]. Русская мысль была более религиозной философией, чем богословием.

В русской литературе интересующего нас периода феномен странничества особенно ярко представлен в творчестве Н. С. Лескова (странники живут исключительно по правде), В. Г. Короленко и М. Горького (как свобододобивых и вольных людей, романтиков дорог, ищущих места в жизни), А. П. Чехова, где странники — это не те, кто уходит, а кто остается или находит освобождение в смерти. Л. Н. Толстой оказывается в этой же категории литераторов, но он вносит в литературу совершенно новый, самостоятельный и оригинальный образ. Толстой дает своим странникам возможность уйти, но в пути они не ищут ни воли, ни свобо-

ды, ни места в жизни, путь – не самоцель толстовского странника. Писатель «уводит» своих героев подальше от общества, тем самым призывая действовать и бороться, пока еще душа чувствует и способна отличить ложное от истинного. Он не оставляет их среди хамства и пошлости, не делает жертвой обстоятельств. Странники Толстого, как, например, отец Сергей, возвращаются к людям, но уже после того, как душа укрепи-лась, стала сильнее. Таким образом, данное обстоятельство сближает странников писателя с подвижниками первых веков христианства, которые уходили в пустыни, жили в скиту одиноко и молитвенно, чтобы, укрепившись, вновь возвратиться к людям.

Впервые в художественном исполнении проблема ухода возникает у Толстого в повести «Казачи» (1862). Здесь странником предпринята попытка вернуться в изначально данное человеку Богом природное бытие, отрекаясь от цивилизации. Герой повести Дмитрий Оленин чувствует необходимость внутреннего очищения как первого шага по пути к нравственному совершенству. Здесь же показаны слабые стороны Оленина как странника, не определившегося, для кого же ему все-таки жить – для себя и своего личного счастья или для других.

Другой странник Пьер Безухов – один из любимейших героев раннего Толстого. Духовный поиск, сомнения, непосредственность и чувствительность – таковы основные черты его натуры. Его душевная беспокойность выступает как основной критерий поиска и стремлений, так как еще в молодости он зарекается: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и опять бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться, а спокойствие – душевная подлость» [8, с. 258].

В ранних текстах Л. Н. Толстого странники еще не стремятся уйти из мира, потому что чувствуют необходимость вмешаться в его «устройство» и изменить (Пьер Безухов «Война и мир», Дмитрий Нехлюдов «Утро помещика»), воплотить «найденные» после долгих исканий идеи в своей семье (Пьер Безухов «Война и Мир»). И в то же время, параллельно с героями, реализующими идеи «на местах», здесь уже появляются странники как люди «лишние» для светского общества (либо само общество выступает для них как лишнее и тягостное бремя), выходящие за его рамки (Дмитрий Оленин «Казачи», князь Андрей «Война и мир»).

Неспокойствие, метание, работа души, поиск правды, истинности своих убеждений, критика и отвержение идеалов светского общества, неприятие спокойной и сытой жизни, готовность вмешаться и изменить мир, сближение с простыми людьми – таковы черты странников раннего Толстого. Душевное беспокойство выступает здесь как основная черта странника, при этом со временем она исчерпывается, а поиск завершается обретением смысла жизни.

С течением времени смысл жизни как объект поисков ранних странников уступает место богоискательству и богостроительству, к которому стремится в середине своего жизненного пути и сам Л. Н. Толстой, и его поздние герои. Жизнь для души, для ближнего и, следовательно, для Бога и «по Божьему» – таков смысл жизни поздних странников. Но по-

иск и возможность обретения такой жизни идут вразрез с общепринятым православным представлением, подчеркивая тем самым оригинальность созданного пути и индивидуальность ищущего.

Духовное странничество в этот период творчества сопряжено у Толстого с такими понятиями, как падение, преображение и воскресение, — через каждый этап странник проходит по мере своей духовной подготовки, и каждый этап является обязательным. Толстой воплощает перспективу падения и духовного преображения как возврата странника к душе. По мысли художника, изначально человек призван познать, реализовать и приумножить тот заложенный в нем божественный замысел, но вместо этого он растворяется в материальном мире, становится своевольным, эгоистичным, жаждет лишь плотского вожделения.

Несомненно, при изображении своих странников Л. Н. Толстой особое внимание уделял опыту агиографической традиции, не раз подчеркивая значимость житийной литературы в становлении нравственных и моральных основ у молодого поколения. Тем не менее жития не всегда наполнены пограничными или кризисными ситуациями и не всегда образ странника сопряжен с падением или преображением (например, Святитель Николай Чудотворец, преподобный Сергей Радонежский или преподобный Серафим Саровский и др.). У Толстого же, напротив, странник всегда в духовном движении.

Особенность Толстого в том, что выведенная им в поздний период творчества формула: падение — преображение — воскресение, является основным условием для достижения странником своей цели — обретения Бога. Мы считаем, что не само странничество интересно Толстому, но душа, движущаяся к воскресению через испытания падением и преображением. Интерес Толстого сосредоточен на образе «благоразумного разбойника», покаявшегося в момент смерти и вместе с Христом вошедшего в рай (Лк. 23:32–43), образе «святого грешника». В своем религиозно-философском исследовании он пишет: «Движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте составляет высшую степень жизни, чем неподвижная праведность фарисея. И потому-то для этого учения не может быть правил, обязательных для исполнения. Человек, стоящий на низкой ступени, продвигающийся к совершенству, живет нравственнее, лучше, более исполняет учение, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству» [8, с. 79].

Именно поэтому творчество позднего Л. Н. Толстого наполнено катастрофическими ситуациями, которые составляют смысл последующего развития повествования: герой «испытывает непонятные чувства при виде экзекуции над солдатом», после чего меняет свою жизнь («После бала»), оставляет мир и удаляется в скит («Посмертные записки старца Федора Кузмича»); узнает, что его невеста состояла в любовной связи с монархом («Отец Сергей»); воспринимает идеи любимого человека как свои собственные, после чего неизменно следует им («Мать»); в осужденной за убийство узнает некогда обманутую им девушку («Воскресение»).

Странники позднего периода, как люди опытные, зрелые, рациональные, приобретают иные черты. Толстой стремится вернуться к первоначальному христианству, «очищенному» от толкований и интерпретаций богословов, поэтому его привлекают образы странников и святых первых веков христианства, претерпевавших испытания, понимавших, ради чего они жертвуют земными благами.

Духовные странники позднего Л. Н. Толстого – не похожи ни на праведников Лескова, ни на вольных путников Горького и Короленко, они не смиряются с действительностью, как у Чехова, не становятся жертвами обстоятельств. Толстовские странники высокорелигиозны и духовны, что и отличает их от всех иных странников и путников, художественно воплощенных в литературе рассматриваемого периода. Их религиозность проявляется в простоте понимания сакрального смысла Евангелия, а духовность – в движении души к воскресению через испытания.

Таким образом, странник в позднем творчестве Толстого – это человек, духовно растущий, духовно зрелый, ищет истинную веру, основной критерий его жизни – жизнь для души, при этом он не зависит от мнения Церкви. Феномен духовного странничества, воплощенный в литературе Л. Н. Толстым, настаивает на оригинальности, самобытности и индивидуализме. Писатель вносит в явление странничества совершенно новые аспекты, делая его исторически устойчивым как в религиозном, так и в морально-этическом восприятии.

Литература

1. *Преподобный Иоанн Лествичник*. О странничестве. Лествица / Преподобный Иоанн Лествичник. – М., 1996. – С. 85–87.

2. *Уша Т. Ю.* Паразитизм / Т. Ю. Уша // Словарь иностранных слов. – СПб., 2005. – С. 468.

3. *Ожегов С. И.* Тунеядство / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. – М., 1997. – С. 534.

4. Иеромонах Серафим (Парамонов). О паломничестве и странничестве / иеромонах Серафим (Парамонов). – М., 2004. – С. 21–30.

5. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. – М., 2002.

6. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основная проблема русской мысли XIX–XX столетия / Н. А. Бердяев. – М., 2004. – С. 232–238.

146

7. *Лесков Н. С.* Письма 1881–1895 гг. Суворину А. С. 11 февраля 1888 г. / Н. С. Лесков // Полн. собр. соч. : в 11 т. – М., 1957. – Т. 11. – С. 366.

8. *Толстой Л. Н.* Царство Божие внутри Вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч. : в 90 т. – М., 1957. – Т. 28. – С. 79.

Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС)

Фаленкова Е. В., аспирантка кафедры философии и культурологии
E-mail: janeg-ok@mail.ru
Тел.: 8-909-002-55-17

Urals State University of Railway Transport

Falenkova E. V., Post-graduate Student of the Department of Philosophy and Culture
E-mail: janeg-ok@mail.ru
Tel.: 8-909-002-55-17